

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ПРОРОКА У ШЕВЧЕНКО, ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА

Альбина Гач

Свою статью я хочу начать со слов Протопресвитера Александра Шмемана, которые были опубликованы в статье о религиозности русской поэзии: «Что бы нам не твердили, как бы нам не заговаривали зубы всевозможные казенные литературоведы, – пишет он – поразительна эта несомненная, очевидная связь русской литературы с Богом, поразительна эта пронизывающая всю ее некая печаль по Богу, поразительна звучащая в ней хвала...» (Шмеман 2003). Далее, в этой же статье автор дает объяснение выше им написанного: «Это не значит, что все русские писатели и поэты одинаково верили, придерживались тех же религиозных догматов, были убежденными церковниками, – нет. Мы говорим о чем-то более глубоком, о некоем последнем вдохновении, о некоей последней интуиции, которые объединяют всех русских творцов...» (Шмеман 2003).

Оксана Пахлевская в своей монографии об истории украинской литературы и культуры в некоторых случаях, а именно по поводу Тараса Шевченко, Ивана Франко и Леси Украинки отмечает линию антивизантизма украинской литературы (Pachlovska 1998: 659–660). По этому поводу я бы хотела выразить свое несогласие, и хочу отметить, что религиозный православный дух присущ украинской литературе не менее, чем русской.

В данной статье я рассмотрю разные аспекты подхода к теме пророка и пророчества у трех разных, и так похожих поэтов: Шевченко, Пушкина и Лермонтова.

В вышеупомянутой статье Шмемана идет речь также о том, что Пушкин не является религиозным поэтом, так как в своем творчестве он не обращается к истинно-религиозным, церковным темам. Вопреки этому религиозным автор называет весь его подход к человеку и миру, и подчеркивает, что поэт делает это замечая и страдания, и зло (Шмеман 2003).

Лев Шестов в своей статье о Пушкине не зря отмечает: «все самые мрачные стороны жизни приковывали его внимание и он с дол-

гим, неустанным терпением вглядывался в них пока не находил для них нужного объяснения» (Шестов 1964: 338).

Пушкин всегда видел в человеке не только его высокое метафизическое призвание, но и его падшесть. Проблема греховности отрицающего Бога и отвернувшегося от Него человека и проблема «пророческого» долга поэта нести людям божественный луч истины часто не давала покоя поэту. Эти проблемы у Пушкина универсальны и всевременны, тем самым не входящие ни в какие определенные рамки. И, — если так можно выразиться — бессмертны. Но на них Пушкин смотрел не столько с гневом, как Лермонтов, сколько с каким-то необъяснимым и светлым спокойствием. Смотрел глазами человека, любящего все земное со всеми их прелестями и пошлостями, как отец смотрит на своих детей — любя и мудро.

В стихотворении «Пророк» 1826 г. Пушкин пишет о себе, как о пророке, как о посреднике между Творцом и миром земным, как о слуге Божьему, устами которого должна молвить истина. Эта тема перевоплощения и возрождения известна нам уже из Ветхого Завета, из 6-ой главы книги пророка Исаии, а точнее из первых 8 стихов:

«(6)...Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, (7) И коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. (8) И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Исаия: 6).

У Пушкина, как и у Исаии на первом плане стоит возрождение простого, даже грешного человека, окружающие и их отношение к пророку не столь важны для него. Такое отношение поэта к народу заметно и в других произведениях, таких, как «Поэту» и «Поэт и толпа». Долгом пушкинского пророка является нести глагол людям, а остальное не имеет значения.

Заканчивается стихотворение волей Всевышнего, неумолимой волей, требующей абсолютного подчинения, даже если этот путь — путь пророка — нелегок:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.»

Лермонтов, в отличие от Пушкина, остро, с гневом и печалью переживает разлад, торжествующий в мире. Его проблемы, также, как и у Пушкина, распространяются на все времена и также носят не социально-общественный, а прежде всего метафизический характер.

«Пророк» Лермонтова как-будто бы продолжение пушкинского. В стихотворении Пушкина Творец дает всеведение поэту, открывая ему глаза на истину и велит ему «глаголом жечь сердца людей». И это стоит в центре внимания. У Лермонтова же на первом плане не процесс преображения, а способность к всеведению, как дар Божий:

«С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока...»

Также Лермонтов уделяет большое внимание окружающей среде, тому, как его, то есть поэта-пророка воспринимает народ. Пророк печален, потому что стал жертвой насмешек и презрения людей:

«Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья –
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня...»

Не желая сильно углубляться по этому поводу, я хочу отметить, что эта способность лермонтовского пророка кажется аналогичной другой, не менее характерной для поэта способностью видеть мир глазами Демона, никогда не покидающего его.

Не даром в изобразительном искусстве, как нераз было отмечено в специальной литературе, эта проблема разработана в творчестве Врубеля, Пророк которого – если внимательней посмотреть – тот же его Демон.

Позже в «Пророке» 1848 г. Шевченко мы сталкиваемся с такой же ситуацией как и у Лермонтова. Но здесь проблема духовного кризиса усугубляется, становится более острой. Тема изгнания пророка Лермонтова развивается и достигает своего пика в «Пророке» Шевченко тем, что народ уже не только презирает и прогоняет «служу божьего», а жестоко убивает его. Тем не менее главная проблема у Шевченко заключается не в том, что пророка убивают, а в том, что взамен Бог дает народу царя, как наказание за духовную падшесть и слабость:

«И праведно господь великий,
 Как на зверей свирепых, диких,
 Оковы повелел ковать,
 И тюрьмы темные копать,
 И – род лукавый и жестокий! –
 Взамен смиренного пророка...
 Он повелел царя вам дать!»

Долг шевченковского пророка – бороться за «святую свободу» и поднять народ на эту борьбу. То есть это стихотворение, как и все творчество поэта, вмещает в себе жгучую и, на то время еще не решенную проблематику национальной независимости и социально-общественного равноправия украинского народа. И так, мы можем утверждать, что тогда как данная тема пророчества у русских поэтов носит метафизический характер, у Шевченко она представляет собой прежде всего социальный вопрос. И вопрос этот может быть разрешен усилиями общества, народа. Это одно из самых важных различительных черт между русскими поэтами – Пушкиным и Лермонтовым – и Шевченко – духовным вождем, поэтом Украины.

Я также не могу в своей статье не коснуться поэмы Ивана Франко «Моисей». Поэт в введении поэмы формулирует свою поэтическую задачу, аналогичную не только библейскому пророку, но и не в меньшей степени напоминающую пророка Шевченко. Это первые 5-ть, а также 11-й, 12-й и 13-й строфы этого введения, в которых выражается не только гнев и недовольство пророка Моисея духовным и социальным состоянием своего народа, но и глубокое сочувствие с ним и тревожное стремление избавить его от тяжелой судьбы.

Перед тем, как вернуться к Шевченко, я бы хотела процитировать слова Ореста Субтельного: «Бывший крепостной никогда не забывал своих «знедолених братів». Громоподобным тоном библейского пророка он обличал крепостников-эксплуататоров. В отличие от большинства интеллигентов своего времени Шевченко не верил в либеральные проекты постепенных реформ и в своих стихотворениях открыто призывал к радикальному, революционному решению вопросов социальной справедливости» (Субтельный 1994: 296).

Шевченко в своих стихотворениях критикует не только крепостников-эксплуататоров, а и весь народ за его испорченность. Это отношение поэта к народу хорошо показывает его стихотворение «К Го-

голю», которым, в свою очередь, как-будто бы воспроизводит 9-й и 10-й стихи 6-й главы книги пророка Исаии: «(9) И сказал Он: пойди, и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите. (10) Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их» (Исаия: 6).

В 11-м и 13-м стихах 6-й главы книги пророка Исаии изображается наказание ослепшего и оглохшего народа, а также его, желаемое Господом, возрождение. Аналогичный ход мыслей нередко встречается в стихотворениях Шевченко, которые изображают возможное и желаемое возрождение Украины из актуального положения. Такое неудовлетворительное положение описывается в стихотворении Шевченко «И мертвым, и живым...», в котором строки:

«Ослепли видно, не слышат – не знают;
Святой правдою торгуют,
Цепь на цепь меняют,
Насмехаются над богом, –
...Опомнитесь вы, нелюди,
Жалкие юроды!»

указывают на упреки пророка Исаии, а следующие за ними слова уже напоминают библейское пророчество о возрождении народа, которое в поэтическом мире Шевченко неотделимо от революционного решения вопроса. Шевченко неоднократно обращается к библейским темам. В своем «Подражании 11 псалму» поэтически перерабатывает 11-й псалом, в котором господствующей темой является вечная тема воскресенья «людей закованных», «убогих нищих», возвеличивания «рабов и малых и немых».

Стихотворение 1859 г. «Исаия. Глава 35» тоже является свободной поэтической переработкой 4-го и 5-го стихов 35-й главы книги пророка Исаии, где поэт развивает господствующую тему оригинала, а именно – тему спасения «угнетенных и оскорбленных».

Общеизвестно, что Тарас Григорьевич Шевченко в своем творчестве создал синтез украинской литературы и культуры, сведя воедино традиции народного творчества и современной культуры. В этом спектре разных голосов немалую роль играли библейские темы, в том числе и тема пророка, которую поэт, как и другие темы, подчинил

своему пророческому стремлению к созданию духовно возвышенной, в национальном и социальном смысле, независимой Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Шмеман 2003: Протопресвитер Александр Шмеман, Проповеди и беседы., М., Паломник.
- Шестов 1964: Лев Шестов, А. С. Пушкин // Лев Шестов, Умозрение и откровение, Париж.
- Субтельный 1994: Орест Субтельный, Украина. История.
- Pachlovska 1998: Oхана Pachlovska, Civiltà letteraria ucraina. Carocci, Roma.